

Джеймс Блиш
Люди «Чердака»

И сказано в Книге, что Гиганты, прилетев на Теллуру с далеких звезд, сочли Поверхность непригодной для жизни и злой. И потому повелели Гиганты, чтобы люди всегда жили над Поверхностью, всегда в воздухе, в лучах солнца и звезд, дабы помнили, откуда пришли некогда их создатели. И еще некоторое время жили Гиганты среди людей, учили их говорить, писать, плести нити, делать много разных иных вещей, которые нужны людям и о которых сказано в книге. А после отправились они к далеким звездам, сказав: «Владейте этим миром, как своим собственным, и хотя мы еще вернемся, не бойтесь этого, потому что этот мир ваш навсегда!»

1

Первым, как архиеретика, из сетей выволокли Хоната-плетельщика. Рассвет еще не успел наступить, когда стражники, передвигаясь большими прыжками, потащили его сквозь бесконечные, пряно пахнущие заросли орхидей. Стражники были такие же, как и Хонат, — маленькие, сгорбленные, с узловатыми мышцами, длинными безволосыми хвостами, которые закручивались в спираль по часовой стрелке. Торопливо прыгая за ними, Хонат старался попасть в такт их движениям. Иначе он соскользнет вниз и повиснет в петле, обхватывающей его шею.

Конечно, в любом случае после рассвета его отправят на Поверхность, в ужасную, неизведанную бездну, но даже если это путешествие страшнее ломающего позвоночник рывка лианы, он не будет торопить смерть — подождет, пока Закон повелит: отправить!

Сеть, петляющих стеблей лиан толщиной с человеческое тело резко уходила вниз на краю леса из древовидных папоротников и хвощей. Стражники остановились, готовые начать спуск. Все взгляды устремились на восток, вверх погруженной в туманную мглу впадины. Звезды стремительно бледнели. Только яркое созвездие Попугая можно было еще разглядеть без труда.

— Хороший будет день, — сказал охранник довольно миролюбиво. — Лучше отправляться вниз в хорошую погоду, чем в дождь, верно, плетельщик?

Хонат вздрогнул, но ничего не ответил. Все знают, что внизу, в Аду, всегда идет дождь — влага собирается на миллиардах вечнозеленых листьев и стекает обратно, в черные болота.

Ад поверхности вечен, как и ветви деревьев.

Хонат огляделся. Из-за горизонта уже выступила треть огромного красного диска. Вот-вот должен появиться и голубой, яростно горячий спутник красного гиганта. До самого горизонта океаном черной нефти колыхался Лес. Только с близкого расстояния глаз начинал выделять мелкие детали, и мир становился таким, каким и был на самом деле, — громадной многослойной сетью, густо поросшей папоротниками, мхами, грибами, впитывающими влагу орхидеями, яркими растениями-паразитами, сосущими живительный сок из лиан, деревьев и даже друг из друга. Плотнo прилегая друг к другу, листья умудрялись накапливать целые озера воды. Где-то уже хрипло затянули утреннюю песню древесные жабы и пищалки. Скоро, когда станет светлее, они замолчат, и снизу будут доноситься крики ящеров — этих воплощений проклятых душ, а может, дьяволов, охотящихся за душами.

Слабый порыв ветра, пронесшийся над рощицей хвощей, качнул сеть лиан под ногами, словно челнок ткацкого станка. Пытаясь сохранить равновесие, Хонат потянулся к лиане, но она вдруг злобно зашипела и уползла в темноту — это хлорофилловая змея поднялась из древнего мрака своего уровня поприветствовать солнце и высушить чешуйки на легком ветерке занимающегося утра. Она спугнула обезьяну, которая перепрыгнула на другое дерево и стала изливать возмущение в пронзительных воплях и всячески поносить обидчика, не забывая при этом совершать спасительные прыжки. Стражники одобрительно захихикали:

— Да, не очень-то они вежливы там, внизу. Подходящее место для тебя и прочих еретиков, плетельщик. Ну, пошли.

Лиана, привязанная к шее Хоната, натянулась, охранники зигзагообразными прыжками направились вниз, к Трону Правосудия. Лиана так и норовила зацепиться за руку, хвост или ногу Хоната, делая его движения отвратительно неуклюжими. Наверху звездные крылья Попугая начали таять в голубизне дневного неба.

В центре впадины, на сплетенной из лиан площадке стояли плетеные же хижины, тесно прижавшиеся одна к другой, некоторые из них были привязаны к веткам или свисали с них. Эти жилища были хорошо знакомы Хонату, потому что он сам сделал не одну такую хижину. Самые лучшие, похожие на вывернутые цветки, которые раскрывались от утренней росы и плотно смыкались вокруг хозяина с наступлением вечера, были его выдумкой. Они многим пришлись по вкусу.

Уважение, которое испытывали к его мастерству соплеменники, обернулось против Хоната, захлестнув на его шее конец лианы-удавки: его слова имели больший вес, чем слова остальных. Вот почему он объявлен

архиеретиком, главным врагом человека, сбивающим молодых с пути истинного, сеющим сомнения в верности Книги Законов.

И, судя по всему, его вольномыслие и авторитет дали ему право на односторонний проезд в Адском лифте.

Хижины-мешки уже начали открываться. Выглядывая из-за крестообразных переплетений, набухших от росы, обитатели воздушной деревни сонно помаргивали. Кое-кто наверняка узнал Хоната, но никто не вышел наружу, чтобы последовать за стражниками. Хотя в обычный день обитатели деревни уже давно высыпали бы, словно спелые плоды, из сердцевин мешков.

Скоро должен начаться Суд. И даже те, кто провел эту ночь в лучших мешках Хоната, не решатся сказать слово в его защиту. Все знали, что Хонат не верит в Гигантов!

Наконец они приблизились к Трону Правосудия. Трон был сплетен из тонких лиан, от времени высохших до толщины тростника, подголовник обвивали орхидеи. Никто не помнил, когда его сделали. Этот мир не знал времен года, и народ верил, что орхидеи цвели там вечно. Трон был подвешен с краю над ареной. В свете наступавшего дня Хонат видел восседавшего на нем Вершителя Судеб. Его окаймленное белым мехом лицо серебристо-черным пятном выделялось на фоне огромных цветов.

В центре арены располагался Лифт.

Хонат присутствовал на одном из актов правосудия и видел Лифт в действии, но до сих пор с трудом верил, что следующим пассажиром будет он сам. Лифт был всего лишь глубокой белой корзиной. Вделанные в боковые стенки острые шипы не позволяли из нее выбраться. К краям были привязаны три плетеных каната, концы которых намотали на деревянный барабан.

Обреченного в этой корзине опускали на Поверхность. Если жертва не хотела покидать корзину, ее оставляли внизу до тех пор, пока осужденный не умирал с голоду или Ад не расправлялся с ним каким-нибудь другим способом. После этого барабан вращали в обратную сторону.

Срок наказания зависел от тяжести преступления. Но это была чистейшая формальность. Хотя по истечении срока корзину опускали на Поверхность, в нее до сих пор никто и никогда не возвращался. В мире, где нет смены времен года и луны, трудно вести счет времени. Корзину могли опустить с ошибкой в тридцать-сорок дней в любую сторону от назначенного срока. Но если трудно было отмерять время в мире Вершин, то каково в Аду?

Между тем стражники привязали Хоната к ветке и расположились рядом с пленником. Один из них рассеянно передал Хонату шишку, и тот

попытался отвлечься от невеселых дум, извлекая из нее сочные съедобные семена. Но они почему-то казались безвкусными.

На арену начали доставлять других обвиняемых. Вершитель, переводя взгляд черных глаз с одного на другого, наблюдал за процедурой с возвышения. Привели Матилд-разведчицу (она отыскивала еду). Преступница вздрагивала, шерсть на левом боку потемнела и слиплась, словно она опрокинула на себя бромелед, растение-резервуар. За ней был введен Аласкон-навигатор, мужчина средних лет, лишь ненамного моложе Хоната. Его привязали неподалеку, и он, усевшись, принялся меланхолично жевать стебель съедобного тростника.

Ничто не нарушало тишины, пока стража не приволокла Сета-иглодела. Еще издалека все услышали его мольбы и вопли ярости. Из коконов жилищ вынырнули головы любопытных. Секунду спустя над краем арены показались стражники. Они и сами кричали, но громче всего звучал голос Сета. Упираясь всеми пятью конечностями, хватаясь за ветки и лианы, он боролся изо всех сил. Тем не менее группа неумолимо приближалась к арене.

Охранники Хоната снова занялись вкусными семенами. За суматохой Хонат не заметил, как привели Чарла-чтеца. Теперь он сидел напротив Аласкона, равнодушно глядя вниз на сеть лиан и расслабив плечи. От него веяло отчаянием. Один взгляд на Чарла заставил Хоната поежиться.

Со своего высокого трона заговорил Вершитель:

— Хонат-плетельщик, Аласкон-навигатор, Чарл-чтец, Сет-иглодел, Матилд-разведчица, вы вызваны сюда, чтобы ответить правосудию!

— Правосудия! — завопил Сет. Он пружиной вырвался из рук стражников, но тут же был опрокинут рывком лианы. — Нет правосудия! Почему меня, который совершенно не имеет отношения....

Стражники схватили Сета и мускулистыми коричневыми ладонями зажали ему рот. Вершитель, явно довольный, наблюдал за действиями стражи.

— Вам предъявлено три обвинения, — продолжил Вершитель. — Первое — вы рассказывали детям заведомую ложь. Второе — вы бросили тень сомнения на божественность Порядка. Третье — вы отрицали истинность Книги Законов. Каждый из вас может говорить по очереди в порядке старшинства. Хонат, ты можешь обратиться к суду первым.

Хонат, слегка дрожа, поднялся. Но тут он почувствовал прилив былой независимости.

— Ваши обвинения, — начал он, — основаны на одном — отрицании Книги Законов. Я не учил ничему, что противоречит Книге, и не бросал

сомнений ни на одно из законоположений. И поэтому я отвергаю ваше обвинение.

Вершитель недоверчиво смерил его взглядом.

— Очень многие люди говорили, что ты не веришь в Гигантов, Хонат, — сказал он. — Новой ложью ты не добьешься от суда снисхождения и милосердия.

— Я отрицаю обвинение, — настаивал Хонат. — Я верю в Книгу Законов в целом и верю в Гигантов. Я учил лишь, что Гиганты не существовали в том смысле, в каком существуем мы. Это символы высшего бытия.

— Что же это за высшее бытие? — настороженно спросил Вершитель. — Опиши.

— Ты требуешь от меня того, чего не смогли сделать создатели Книги, — горячо сказал Хонат. — Если это бытие они облекли в символы, а не описали прямо, то как это могу сделать я — обыкновенный плетельщик?

— Твои слова — бред, — рассердился Вершитель. — Но они подрывают порядок, установленный Книгой. Если люди перестанут бояться Гигантов, то разве будут они подчиняться законам?

— Да, потому что они люди и выполнять законы в их интересах. Они не дети, которым нужно пугало. Более того, Вершитель, вера в Гигантов, которые вернутся и снова начнут нас наставлять, вредна. Половину того, что знаем, мы взяли из Книги. И ожидаем, что остальное свалится на нас с неба, а тем временем ведем дикую жизнь растений.

— Отвергая часть Книги, мы ставим под сомнение всю ее, — мрачно произнес Вершитель. — И тогда мы теряем то, что ты назвал половиной знаний. И что на самом деле знание для тех, кто смотрит на мир ясным взором?

Хонат вдруг потерял выдержку.

— Тогда отбросим все! — вскричал он. — Отбросим и начнем учиться сначала и пойдем дальше, уже опираясь на собственный опыт. Вершитель, ты старый человек, но еще не все забыли, что такое любопытство!

— Молчать! — прошипел Вершитель. — Мы слушали тебя достаточно. Теперь пусть говорит Аласкон-навигатор.

— Большая часть Книги неправильна, — начал Аласкон, поднявшись. — Как источник сведений о различных ремеслах она верно послужила нам. Но сказанное в ней о строении Вселенной явно бессмысленно. Таково мое мнение. Хонат сказал о ней слишком мягко. Я не делал секрета из того, что думаю, и говорил об этом открыто.

— И ты дорого за это заплатишь, — подвел итог Вершитель, тяжело вздохнув. — Чарл-чтец!

— Мне нечего сказать, — поднялся и тут же сел Чарл-чтец.

— Ты отрицаешь обвинения?

— Я умею читать, Вершитель. — Голова Чарла неожиданно поднялась рывком, и он с отчаянием взглянул на Вершителя. — И ясно видел в Книге слова, противоречащие друг другу. Я указывал на эти противоречия. Это неоспоримый факт. Я никого не обманывал, не сказал и слова неправды, не призывал к отказу от Книги. Я только указывал на противоречия, вот и все.

— Сет-иглодел, можешь говорить.

Охранники с облегчением освободили рот Сета: тот умудрился несколько раз укусить зажимавшую его рот ладонь. Сет немедленно принялся кричать:

— Я не имею ни малейшего отношения к этим проходимцам! Я — жертва слухов и зависти. Соседи завидуют моему искусству. Я продавал иглы плетельщику, верно! Ну и что? Все обвинения против меня — ложь! Ложь!

Хонат в ярости вскочил, потом опустился на место, подавив рвущиеся наружу слова. Какое это теперь имеет значение? Почему он должен свидетельствовать против этого юноши? Остальным это не поможет, и если Сет надеется, что ложь ему позволит избежать Ада, что ж, пусть попробует...

Вершитель посмотрел на Сета с тем же выражением гневного недоверия, с каким он недавно смотрел на Хоната.

— А кто вырезал еретические слова на дереве возле дома Хоси-законодателя? — поинтересовался он. — Там поработали острые иглы, и есть свидетели, говорящие, что твои руки помогали этим иглам.

— Новая ложь!

— Мы, нашли иглы, которыми сделаны надписи, в твоём доме, Сет.

— Это не мои... мне их подбросили. Освободите меня!

— Тебя освободят, — холодно пообещал Вершитель, и не было сомнений в том, что он имел в виду. Сет забился в истерике. Жесткая рука охранника немедленно закрыла его рот.

— Матилд-разведчица, мы слушаем твоё обращение к суду.

Молодая женщина медленно поднялась. Мех на её боку уже почти высох, но она ещё заметно дрожала.

— Вершитель, — начала она. — Я видела то, что показывал мне Чарл-чтец. Я сомневалась, но Хонат укрепил меня в том, что я видела. Я не вижу вреда в том, чему он учит. Его слова не сеют сомнения, а наоборот, снимают

их. Я не вижу здесь ничего дурного и не могу понять, почему это считается преступлением.

Хонат с изумлением и восхищением посмотрел на нее. Вершитель ронял слова, как камни:

— Мне жаль тебя, но невежество не умоляет вины. И все же мы будем милосердны: если вы отречетесь от ереси, поклянетесь, что Книга истинна от первой и до последней страницы, мы всего лишь изгоним вас из племени.

— Отрекаюсь! — завопил Сет. — Я эту ересь никогда не разделял. Это ложь! Я верю в Книгу! Только в Книгу, в каждое ее слово!

— А ты, Иглодел, — с отвращением сказал Вершитель, — лгал до сих пор, следовательно, лжешь и теперь. На тебя наша милость не простирается.

— Проклятая гнилая гусеница! Чтоб тебя... умгг...

— Плетельщик, твой ответ?

— Нет! — с каменной твердостью ответил Хонат. — Я говорю правду. И не отрекусь от нее.

Вершитель посмотрел на остальных троих.

— Подумайте как следует. Разделяющий ересь разделит и наказание. Оно не будет смягчено только потому, что это не вы ее придумали.

Последовало долгое молчание.

Хонат с трудом сглотнул. Он понял, что эти трое не проронят ни слова и что они сохраняли бы молчание, даже не имея перед глазами примера Сета. Теперь, когда храбрость и вера оставили его, Хонат сомневался, смог бы он на их месте поступить так же.

— Тогда, — после недолгого раздумья сказал Вершитель, — вы все приговариваетесь к тысяче дней в Аду.

Из-за пределов арены, где незаметно для Хоната собралась большая толпа, донесся вопль изумления: такого долгого срока история племени еще не знала.

Хотя какая разница? Хватило бы и сотни дней в Аду. Оттуда никто и никогда не возвращался.

— Подготовьте Лифт, — распорядился Вершитель. — Они отправятся туда все вместе. А с ними — их ересь.

2

Корзина закачалась. Последнее, что видел Хонат, — это кольцо лиц, склонившихся над отверстием. Еще один оборот барабана — и лица исчезли.

На дне корзины, свернувшись в плотный клубок и закрыв концом хвоста глаза и нос, рыдал Сет. Остальные хранили молчание.

Над ними сомкнулся полумрак. Царило необыкновенное безмолвие. Иногда хрипло и резко вскрикивал птицеящер, и этот крик только подчеркивал тишину. Свет, просачивающийся в длинные коридоры между стволами деревьев, рассеивался в зелено-голубую дымку, сквозь которую лианы тянули свои длинные изогнутые тела. Колонны древесных стволов окружали корзину со всех сторон, но стояли слишком далеко, чтобы помешать спуску. Время от времени корзина покачивалась, описывая восьмерки, — громадный маятник Фуко с грузом из пяти живых существ.

Корзина в последний раз нырнула, дернулась и накренилась. Пленников швырнуло на твердые прутья плетеных стенок. Матилд громко и пронзительно вскрикнула. Сет почти тут же развернулся, пытаясь нащупать опору. Еще один рывок, и Лифт замер, корзина легла на бок.

Они прибыли в Ад.

Хонат начал осторожно выбираться из корзины, стараясь не зацепиться за длинные шипы, торчащие отовсюду. Секунду спустя за ним последовали Чарл и Аласкон. Последний крепко держал за руку Матилд. Поверхность оказалась влажной, мшистой и холодной. Пальцы на ногах Хоната тут же непроизвольно поджались.

— Пошли, Сет, — негромко сказал Чарл. — Они ведь все равно не поднимут ее, пока мы не вылезем. Ты ведь знаешь.

Аласкон всматривался в холодный туман Поверхности.

— Да, — подтвердил он. — И нам нужен хороший мастер. Если у нас будут иглы, то, может, не пропадем...

Сет лихорадочно переводил взгляд с одного на другого. Потом, вскрикнув, одним прыжком покинул корзину, пронесся над их головами, ударился о толстый ствол, упруго оттолкнулся и ракетой устремился в туманный воздух наверху.

Изумленно раскрыв рот, Хонат смотрел вслед Сету. Ловко уцепившись за трос корзины, Сет начал проворно карабкаться вверх. Он даже не удостоил спутников прощальным взглядом.

Некоторое время спустя корзина закачалась и пошла вверх. Сотрясения троса, очевидно, заставили вращавших барабан предположить, что последний обреченный покинул корзину. Корзина, покачиваясь и танцуя, начала подниматься. И скоро фигура беглеца исчезла из виду в прозрачной мгле, а за ней и корзина.

— Он не доберется до вершины, — прошептала Матилд. — Слишком далеко, и он слишком торопится. Он скоро выбьется из сил.

— Не думаю, — возразил Аласкон. — Он упорен и силен. Если кто и способен выдержать подъем, так это Сет.

— Но они его убьют, даже если он и доберется.

— Естественно, — пожал плечами Аласкон.

— И я не буду слишком о нем жалеть, — добавил Хонат.

— Тем более я. Но острые иглы могли бы нам пригодиться здесь, внизу. Ну да ладно. Нам бы только выбраться отсюда. Только как отличить один лес от другого? Листва-то не видна.

Хонат удивленно воззрился на навигатора:

— Ты надеешься выжить в Аду, Аласкон?

— Конечно, — спокойно ответил тот. — Это такой же ад, как то, что наверху, — рай. Это всего лишь поверхность планеты, не более и не менее. И мы выживем, если не одуреем от страха. Или ты собираешься сидеть на месте, ожидая чудовищ, которые явятся за тобой?

— Я об этом еще не думал, — признался Хонат. — Но если Сет сорвется с каната раньше, чем доберется до платформы, где его прирежут... Может, нам удастся его поймать? Он не тяжелый. Если бы мы соорудили что-нибудь похожее на сеть...

— Он просто переломает себе кости, да и нам тоже, — сказал Чарл. — Я за то, чтобы мы поскорее отсюда убрались.

— Зачем? Ты знаешь место получше?

— Нет. Но только ад это или не ад, а демоны здесь водятся. Мы сами видели их сверху — змееголовые великаны. Они знают наверняка, что Лифт выгружается именно в этом месте и доставляет им даровое угощение. У них могло войти в привычку приходить сюда на кормежку...

Не успел он закончить свою мысль, как вверху зашелестели ветки. Сквозь голубой воздух зашуршал поток ледяных капель, пророкотал гром. Матилд захныкала.

— Это всего лишь гроза, — попробовал успокоить ее Хонат, но голос подвел его, и вместо слов изо рта вылетели негромкие каркающие звуки. Слыша шуршание ветра в ветвях, Хонат автоматически согнул ноги в коленях и начал искать руками опору, ожидая, что поверхность под ногами долго и волнообразно закачается. Но она осталась неподвижной. Опоры для рук поблизости не было.

Он покачнулся, пытаясь движением избавиться от гнетущей неподвижности. Между стволами деревьев пронесся новый порыв ветра, и тело Хоната еще больше напряглось в ожидании движения. И снова влажная губчатая поверхность под его ногами осталась неподвижной. Исчезла важная составляющая жизни — необходимость постоянно сохранять равновесие,

такая естественная для обитателя Вершин, где ветви и лианы все время качают порывы ветра.

Чувствуя головокружение, Хонат опустился на землю. Прикосновение не защищенных мехом ягодич к холодной сырой почве не доставило ему удовольствия, но стоять не было сил, иначе скудный завтрак осужденного покинул бы его желудок. Одной рукой он обхватил твердый ребристый корень дерева, но и это привычное движение не прогнало дурноты.

Другие чувствовали себя не лучше. Матилд бездумно раскачивалась, сжав губы и закрыв ладонями маленькие изящные ушки.

Головокружение. Они и понятия не имели о нем там, наверху. Головокружением страдали только те, кто серьезно повредил голову или заболел. Но здесь, на неподвижной Поверхности, головокружение, видимо, грозило остаться с ними навсегда.

Чарл сидел на корточках, судорожно сглатывая слюну.

— Я... я не выдержу! — простонал он. — Это колдовство. Аласкон... змееголовые демоны...

— Чепуха, — сказал Аласкон, хотя и сам оставался в вертикальном положении только благодаря тому, что принял к огромному вздутию на стволе. — Просто нарушено чувство равновесия. Это... от неподвижности. Мы скоро привыкнем, и оно пройдет.

— Лучше бы нам... — начал Хонат, заставив себя отпустить корень пальмы, который он сжимал с отчаянием обреченного. — Кажется, Чарл правильно говорил насчет даровой пищи для местных хищников. Мне почудилось какое-то движение в папоротниках, Аласкон. И если дождь будет долгим, вода скоро поднимется. После сильных ливней я замечал внизу серебристый блеск.

— Правильно, — тихо сказала Матилд. — Рощу папоротников всегда заливают. Вот почему Вершины здесь гораздо ниже...

Ветер немного утих, хотя дождь продолжал лить. Аласкон попробовал отпустить опору и выпрямился.

— Двинемся, — предложил он. — Будем держаться под прикрытием, пока не взберемся повыше...

Откуда-то сверху донесся слабый треск, который становился все громче. Похолодев от ужаса, Хонат поднял голову.

Сначала из-за далекой завесы лиан и веток ничего не было видно. Потом с ошеломляющей внезапностью что-то маленькое и черное пробило зеленые своды, пронизало сине-голубой воздух и врезалось в почву неподалеку от пораженных страхом людей. Это было тело, и летело оно безвольно кувыркаясь. Все бросились в разные стороны. Тело ударилось о

грунт с влажным чавкающим звуком. Что-то лопнуло, как туго набитый мешок. Несколько секунд все стояли неподвижно, потом Хонат осторожно приблизился.

Это был Сет — в этом Хонат не сомневался с первой минуты. Но убило его не падение — еще наверху в него вонзились дюжины игл. Часть из них, наверное, он сам отточил, сделав почти невидимыми, древокожаными лентами, которые предварительно вымочил в теплых бромеледовых ваннах.

Да, милосердия с Вершин не дождешься. Приговор ясен — тысяча дней в Аду или падение и куча переломанных костей вперемешку с грязным мехом.

Так начался их первый день на Поверхности.

3

Остаток дня ушел на то, чтобы ценой невероятных усилий добраться до возвышенности. Большую часть пути пришлось почти ползти, потому что деревья, за исключением редко разбросанных гингко и кизила, начинали ветвиться только метрах в шести над землей. Когда они с великими трудностями преодолели часть пути к Великому Хребту и грунт стал тверже, путники попытались взбираться на низкие ветки и совершать короткие прыжки. Но очень скоро их с жуткими криками атаковали десятки птицеящеров, сражаясь за право первыми сожрать пухлые, невероятно медлительные существа. К счастью, мерзкие твари были не очень крупны, и люди отделались несколькими сильными укусами.

Когда это случилось в первый раз, они посыпались на землю, как шишки с сосны, и остались лежать неподвижно, парализованные ужасом, под прикрытием ближайшего куста выжидая, пока желтокрылые веерохвостые бестии не устанут кружить над убежищем и не отправятся на воздушный простор. И даже когда те улетели, они еще долго прижимались к земле, опасаясь появления демонов более крупного размера, привлеченных шумом рассерженных птицеящеров.

Но пока что змееголовые великаны не показывались, хотя Хонату несколько раз и слышался подозрительный шум, напоминавший тяжелые шаги.

К счастью, когда они забрались повыше, в зеленой завесе над их головами обозначились просветы, — обтекая подножия больших розовых утесов, джунгли открывали кусочки чистого неба, лишь кое-где перечеркнутые живыми мостами лиан и лоз. А в дымных голубовато-зеленых

столбах света роилась иерархия летающих созданий. В самом низу носились жуки, пчелы и двукрылые насекомые. За ними охотились гигантские стрекозы с размахом крыльев не меньше полуметра. Выше метались птицеящеры, пожиравшие стрекоз и все, что можно было сожрать, не ожидая отпора. И наконец, выше всех планировали гигантские рептилии, плывшие у кромок скалистых утесов в потоках теплого восходящего воздуха. Их длинные безобразные зубастые пасти подстерегали все, что попадалось им в воздухе, — птиц, населяющих Вершины, и даже летающих рыб на просторах далекого моря.

Компания задержалась, продираясь сквозь особенно густую заросль осоки. Хотя дождь продолжал лить, такой же сильный, как и несколько часов назад, нестерпимо хотелось пить. До сих пор не попалось ни одного бромеледа — очевидно, эти живые резервуары в Аду не произрастали. Они складывали ладони чашечками и возносили их к небу, но так удавалось набрать на удивление мало воды. А лужи, были слишком мелкими, чтобы из них напиться. Но зато здесь в воздухе шла отчаянная борьба за выживание, и птицеящеры боялись собираться стаями.

Белое солнце закатилось, а сегмент красного зловеще маячил на западе, но лишь потому, что свет его искривлялся в атмосфере Теллуры сильной гравитацией белого карлика. В этом мрачном свете капли дождя были похожи на кровь, а испещренные шрамами лики розовых скал практически исчезли. Хонат с сомнением рассматривал их из-за осоки.

— Не понимаю, как мы смогли вскарабкаться на такую высоту, — тихо сказал он. — Этот известняк ломается, стоит только к нему прикоснуться. Иначе нам больше повезло бы в войне с Племенем Утесов.

— Мы могли бы обойти скалы, — посоветовал Чарл. — Подножия Великого хребта не очень крутые. Если мы доберемся до них, то уж на сам хребет наверняка заберемся.

— К вулканам? — запротестовала Матилд. — Но там никто не живет, только белое пламя. И там иногда видны потоки лавы, удушающий дым.

— Да, Хонат совершенно прав, на эти утесы нам никогда не вскарабкаться, — сказал Аласкон. — И на каменные поля тоже не с руки лезть. Там нет ни еды, ни воды, ни убежищ. Разве попробовать пробраться к подножию хребта?

— А мы не можем остаться здесь? — жалобно спросила Матилд.

— Нет, — сказал Хонат, даже мягче, чем хотел. То, место, куда они добрались, было самым опасным в Аду. Он сказал «нет» хотя голос внутри него кричал «да». — Нужно поскорее уходить из страны демонов, и может быть, если мы перевалим через хребет, то встретим племя, которое не знает о

нашем изгнании, о приговоре. По ту сторону хребта обязательно должны быть племена, только Люди Утесов не давали нам до сих пор встретиться с ними. Теперь это играет нам на руку.

— Верно, — согласился Аласкон, немного приободрившись. — И с вершины хребта мы сможем спуститься вниз, к новому племени, вместо того чтобы карабкаться к Вершинам из Ада. Хонат, кажется, у нас появился шанс.

— Тогда нам лучше немного поспать, — сказал Чарл. — Место, похоже, достаточно безопасное. Если мы решили обойти утесы и подняться на хребет, то нам потребуются все наши силы.

Хонат хотел запротестовать, но внезапно навалились усталость, и безразличие. Что ж, если среди ночи их настигнет чудовище, это, по крайней мере, быстро положит конец мучительной борьбе.

Источающая влагу земля не лучшая постель, но другой не было. Они свернулись клубками, стараясь устроиться поудобнее. Хонат уже почти заснул, как вдруг услышал жалобное постанывание Матилд, подполз к ней, начал языком разглаживать мех. К его изумлению, каждый шелковистый волосок накапливал влагу. И задолго до того как девушка успокоилась и, свернувшись калачиком, уснула, Хонат утолил жажду. Утром он обязательно поделится с остальными своим открытием.

Но когда утром взошло белое солнце, на утоление жажды времени уже не осталось. Чарл-чтец исчез. Нечто аккуратно и совершенно бесшумно выдернуло его из груды теплых тел, и только валявшийся неподалеку на склоне тщательно обглоданный череп напоминал о ночной трагедии.

4

В тот день трое оставшихся в живых обнаружили бурный голубой поток, изливающийся с подножия хребта. Даже Аласкон не знал, как истолковать это чудо. На вид это была вода, но она текла, словно лава. Никто из них никогда не видел текущей воды. Конечно, призвав на помощь воображение, они могли представить такую массу воды, собранную из множества древесных резервуаров... Но чтоб она двигалась? Наверное, здесь водятся питоны. Или влага ядовита. Никому из путешественников и в голову не пришло напиться. Они боялись даже подойти и прикоснуться к этому странному веществу, не говоря уже о том, чтобы перейти поток вброд. Ведь он, наверное, горячий, как лава. Они осторожно двигались к подножию хребта. Губы их пересохли, а языки были шершавы, словно пустые стебли хвощей.

Если бы не жажда, которая, впрочем, заглушала голод, подъем был бы не очень трудным. Нужно было только постоянно выбирать прикрытие, ощупывать глазами пространство впереди, предпочитая безопасный путь короткому. По молчаливому согласию никто из троих не упоминал о Чарле. Но глаза их непрерывно искали чудовище, которое так безжалостно расправилось с их товарищем.

Однако до сих пор им не встретилось ни одного животного крупнее человека. Огромный отпечаток лапы с тремя громадными когтями был единственным свидетельством того, что какое-то жуткое чудовище стояло ночью, склонившись над четверкой спящих и выбирая себе жертву, того, что и сейчас они в мире Демонов — тех самых змееголовых великанов, которых видели с Вершин, из безопасного далека.

Отпечаток лапы... и череп.

К приходу ночи им удалось подняться не меньше чем на сто пятьдесят футов. В сумерках было трудно определить расстояние. Переплетенные массы лиан, родной мир Вершин, исчезли из виду, заслоненные пиками и утесами из розового известняка. Но было ясно, что в этот день им уже не подняться выше. Матилд на удивление легко переносила тяготы пути, и Хонат почти не ощущал усталости, но Аласкон окончательно выбился из сил. Причиной тому был глубокий порез на бедре — Аласкон неосторожно напоролся на острую грань большого осколка, торчащего из утеса. Рана, покрытая повязкой из листьев, — чтобы остановить кровь и не оставить следов, по которым их найдет смерть, — болела все сильнее и сильнее.

Хонат наконец предложил сделать привал. Они достигли небольшого гребня, на обратной стороне которого была пещера. Помогая Аласкону преодолеть последние мили, Хонат удивился: какими горячими стали руки навигатора. Он отвел его в пещеру, потом вышел наружу, на каменный выступ-полку, где стояла Матилд.

— Ему плохо, — тихо сказал он. — Нужна вода и листья для повязки. И то и другое мы должны добыть любой ценой. Если мы преодолеем хребет и выйдем в джунгли, без навигатора нам не обойтись. Он нам нужнее иглодела.

— Но где взять воду в этой пустыне? Нам через нее никогда не перебраться.

— Все равно, нужно попробовать. Я, кажется, знаю, где вода. На склоне, по которому мы поднимались, росла большая пиклоделия. Мы обошли ее как раз перед тем, когда Аласкон поранил бедро. Если я смогу вскрыть ее с помощью куска обсидиана...

Маленькая ладонь крепко сжала его локоть.

— Хонат, назад идти нельзя. А вдруг Демон, который убил Чарла, следит за нами? Он выходит на охоту как раз ночью... и эта местность нам совсем незнакома.

— Я найду дорогу. Пойду на шум этого странного потока. А ты собери свежих листьев и попытайся устроить его поудобнее. Немного ослабь жгуты на повязке. Я скоро вернусь.

Он ласково разжал пальцы Матилд, освободил свою руку. Потом, не колеблясь ни секунды, перебрался через валуны на вершине маленькой гряды и направился в сторону потока. Он передвигался на четвереньках.

Но очень скоро он заблудился. Ночь была темная — хоть глаз выколи, беспросветная, и вскоре он обнаружил, что шум потока доносится словно бы со всех сторон, не давая ему определить направление. Память тоже подвела его. Каменная полка гряды, которая вела к пещере, вдруг резко повернула вправо, хотя он твердо помнил, что она вела прямо, минуя первую боковую ветвь, а потом поворачивала влево. Неужели он пропустил в темноте поворот и вошел в боковую, правую ветвь? Он осторожно протянул вперед руку, нащупывая путь.

И в этот момент резкий порыв холодного ветра пронесся среди скал, и Хонат бессознательно переместил вес тела, ожидая движения опоры под ногами...

Он тут же осознал ошибку и попытался остановиться, но рефлекс не так легко подавить в одно мгновение. Испытывая ужасное головокружение, Хонат напрасно ловил руками пустой воздух, ища опору, и в следующий миг полетел вниз.

Ледяной холод сковал тело, и лишь через секунду он понял, что оказался в воде. Очень холодной, бурно текущей, но все равно воде!

Он едва подавил вопль. Ничего страшного. Просто он упал в поток воды и намок. Хонат почувствовал легкие прикосновения к бедрам и лодыжкам. Да это просто рыбы! Он не боится рыб — небольшие их стайки иногда водились в резервуарах бромеледов. Наклонив голову к воде и вволю напившись, он выбрался на каменистый берег, стараясь не стряхивать с шерсти драгоценную влагу.

Назад он не шел, а летел.

— Матилд, — хриплым голосом позвал он. — У нас теперь есть вода.

— Скорее сюда. Аласкону стало хуже. Я так боюсь, Хонат...

Роняя капли воды, Хонат ощупью пробрался в пещеру.

— У нас нет никакой посуды... Аласкону придется лизать твой мех, если он захочет напиться.

— Не знаю, сможет ли он подняться...

Подняться Аласкон смог, хотя и с большим трудом. Даже то, что вода была холодная — совершенно новое ощущение для человека, привыкшего к теплой, как суп, воде древесных резервуаров — казалось, придавало ему сил. Он снова лег, сказав слабым, но вполне нормальным голосом:

— Значит, это была все-таки вода.

— Да, — подтвердил Хонат, — и в ней даже есть рыба.

— Не трать силы, Аласкон, — упрекнула Матилд. — Тебе нужно отдыхать, а не разговаривать.

— Я отдыхаю. Хонат, если мы будем держаться русла потока... о чем это я? Ага. Так как мы теперь знаем, что это вода, то сможем пересечь хребет, держась берега потока. Как ты обнаружил, что это вода?

— Потерял равновесие и свалился в нее.

Аласкон тихо рассмеялся.

— В Аду не так уж плохо, верно? — прошептал он. Потом вздохнул, и ветки, на которых он лежал, закрипели.

— Матилд... Что с ним? Он умер?

— Нет... Просто он еще слабее, чем сам думает, вот и все... Хонат, если бы они, там, наверху, знали, какой ты бесстрашный...

— Я перепугался до смерти, — мрачно ответил Хонат. — До сих пор трясусь.

Но рука девушки нашла его руку в непроницаемой темноте, и это теплое прикосновение странным образом переменяло настроение Хоната. Аласкон тяжело и прерывисто дышал. И Хонат, и Матилд сознавали, что в эту ночь им не уснуть. Они присели рядом на плоский камень. Зыбкий покой снизошел на них, и когда вход в пещеру начал проступать на фоне светлеющего неба — приближался восход красного солнца, — они посмотрели друг на друга, соединенные общей тайной.

«Ад, — подумал Хонат, — и в самом деле не так уж ужасен, если разобраться».

С первыми лучами белого солнца у входа в пещеру показался молодой саблезубый тигр. Животное показало отличные клыки, несколько мгновений глядело на людей, потом повернулся и грациозными прыжками скрылось из виду. Им эти мгновения, когда хищник стоял у входа в пещеру, прислушиваясь к их дыханию, показались вечностью. Счастье, что они заняли логово почти что котенка. Взрослое животное расправилось бы с ними за несколько секунд, как только его фосфоресцирующие глаза рассмотрели бы ночных пришельцев. Тигренок же был озадачен, обнаружив свое жилище занятым, но не захотел затевать ссору с незнакомыми существами.

Появление и исчезновение громадной кошки не столько испугало, сколько изумило Хоната — так неожиданно завершилось их ночное бдение.

Как только послышался первый стон Аласкона, Матилд вскочила и подошла к больному товарищу, что-то тихо приговаривая.

Хонат, очнувшись от столбняка, последовал за ней.

На полпути к тому месту, где лежал Аласкон, он вдруг обо что-то споткнулся, и посмотрел себе под ноги. Это была кость животного, еще не полностью обглоданная. Очевидно, тигренок намеревался спасти от непрошенных гостей остатки своего обеда. Внутренняя поверхность кости поросла серой плесенью. Хонат, присев, соскоблил немного плесени.

— Матилд, нужно приложить к ране плесень. Иногда это помогает от воспаления... Как у него дела?

— Кажется, лучше, — пробормотала Матилд. — Но жар еще держится. Не думаю, что мы сегодня сможем выйти.

Хонат не знал, радоваться этому или нет. Он, конечно, спешил покинуть опасную пещеру, хотя в ней они расположились с относительным удобством. Возможно, что здесь они в безопасности, потому что низкая пещера все еще сохраняла сильный запах тигра. Местные обитатели, почуяв запах, будут держаться подальше. Конечно, очень скоро запах станет слабее, а потом и совсем выветрится.

Но им надо двигаться дальше и, если повезет, пересечь Великий хребет, чтобы найти свое место в мире, похожем на утраченный, чего бы это ни стоило. Даже если существование в Аду окажется относительно легким — пока особых надежд на это не было, — они вернутся в мир Вершин. Но мир этот им придется завоевывать. Иначе не имело смысла все затевать. Проще было не раздражать соплеменников, оставив свой образ мыслей при себе. Но Хонат не стал молчать, как и все остальные, каждый по-своему.

Извечное внутреннее противоречие между тем, что хочется делать, и тем, что надо делать. Оно было хорошо знакомо Хонату. Он понятия не имел о Канте и категорическом императиве, не знал, какая сторона его характера победит. Насмешливая природа наделила сильным чувством долга ленивую натуру созерцателя. И каждое решение давалось ему тяжело.

Но пока от него ничего не зависит. Аласкон все еще слишком слаб, чтобы отправиться в путь. Вдобавок небо затянуло тучами. Донесся первый раскат грома. Надвигалась гроза.

— Останемся здесь, — сказал он, — сейчас снова начнется дождь. И на этот раз он будет сильным. Тогда можно будет выйти и набрать фруктов. Дождь меня скроет, если поблизости бродит какой-нибудь хищник. И пока идет дождь, не нужно ходить за водой к реке.

Дождь продолжался весь день и даже время от времени усиливался, сплошной пеленой затягивая вход в пещеру. Шум потока превратился в рев.

К вечеру жар у Аласкона спал, к нему постепенно возвращались силы. Рана, накрытая куском плесени, выглядела устрашающе, но болела меньше, и только когда больной шевелился. Матилд считала, что рана начинает заживать. Вынужденную неподвижность Аласкон компенсировал необычной разговорчивостью.

— Приходило ли вам в голову, — начал он, когда стали сгущаться сумерки, — что с Великого хребта этот поток течь не может? Все его вершины извергают лаву или пепел. Где же тогда источник такой холодной воды? Вряд ли столько воды собирается после дождей.

— Но вода не может возникнуть прямо из земли, — резонно заметил Хонат. — Дождь — вот ее единственный источник. Слышите, как шумит поток, словно вот-вот начнется наводнение?

— Возможно, это и дождевая вода, — весело сказал Аласкон. — Но только не с хребта, это исключено. Скорее всего, она собирается в обрывах.

— Надеюсь, что ты ошибаешься, — возразил Хонат. — Возможно, с этой стороны взобраться на утес намного легче, но нужно помнить и о племени, которое там обитает.

— Не спорю, но ведь утесы и обрывы простираются далеко. Может быть, живущие здесь люди не слышали о войне между нашим народом и их соплеменниками. Нет, Хонат. У нас нет иного пути.

— Если так, — проговорил Хонат мрачно, — то мы еще сильно пожалеем, что у нас нет с собой острых, твердых игл.

5

Предположения Аласкона вскоре подтвердились. На следующее утро, на рассвете, они покинули пещеру. Аласкон двигался немного скованно, но достаточно легко. Путники карабкались вверх вдоль русла потока, вздувшегося после вчерашнего дождя. Примерно милю спустя поток резко повернул к базальтовым утесам, низвергаясь грохочущим каскадом.

Потом русло снова повернуло под прямым углом, и трое путешественников оказались у входа в мрачную теснину, не слишком глубокую, но очень узкую и темную. Здесь поток замирал, его поверхность почти разгладилась. По обе стороны от него узкие полоски земли поросли невысоким кустарником. Путники остановились, с сомнением рассматривая невеселый пейзаж.

— Тут-то есть где укрыться, — понизив голос, сказал Хонат. — Но и столкнуться можно с кем угодно.

— Крупному животному здесь негде прятаться, — возразил Аласкон. — И потому серьезная опасность нам не грозит. Все равно это единственный путь вперед.

Как только они вошли в густой кустарник, Хонат тут же потерял товарищей из виду. Но он хорошо слышал рядом их осторожные шаги. Только они нарушали полную неподвижность и темноту. Даже поток, бесшумно кативший воды в каменном русле, казался неподвижным. Не было и ветра, что несказанно радовало Хоната, хотя он уже и начал привыкать к головокружительной неподвижности.

Несколько секунд спустя Хонат услышал тихий свист. Он пополз на звук и едва не столкнулся с Аласконом, который припал к земле за густой магнолией. Через секунду из темной зелени выглянуло встревоженное лицо Матилд.

— Посмотри, — прошептал Аласкон. — Что это такое?

Он указывал на выемку в песчаном грунте, обрамленную низким земляным валиком, в которой лежали три серых предмета, совершенно гладких.

— Яйца! — удивилась Матилд.

— Да. Но какие большие! Отложившее их животное наверняка огромных размеров. Похоже, мы вторглись в чьи-то владения.

Матилд тревожно вздохнула. Хонат лихорадочно старался придумать, как подавить поднимающийся страх. На глаза ему попался камень. Он схватил его и ударил по яйцу.

Оболочка, которая больше напоминала кожу, чем скорлупу, прорвалась и повисла неровными клочьями. Хонат нагнулся и попробовал содержимое на вкус.

Оно оказалось превосходным. Конечно, птичьи яйца вкуснее, но Хонат слишком проголодался, чтобы привередничать. После секундного замешательства Матилд и Аласкон атаковали два оставшихся яйца.

Это была первая сытная трапеза в Аду. Когда они наконец покинули разоренное гнездо, Хонат чувствовал себя как никогда превосходно.

Двигаясь вдоль каньона, путники вскоре снова слышали рев воды, хотя вода оставалась безмятежной, как и раньше. Однако над ней носилась стая гигантских стрекоз. Насекомые бросились прочь, едва завидев Хоната, но вскоре вернулись — их рудиментарные мозги быстро успокоились.

Рев нарастал. Когда они обогнули выступ, заставивший реку сделать плавный поворот, их глазам открылся источник шума: сплошное полотно воды летело вниз с двух базальтовых уступов, таких же высоких, как стены ущелья.

— Вот и конец пути, — сказал Аласкон. Ему пришлось кричать: слова тонули в грохоте водопада. — На эти стены нам никогда не подняться.

Потрясенный Хонат переводил взгляд из стороны в сторону. Аласкон прав. Ущелье явно образовалось вследствие того, что более мягкий камень вывернули и вымыли потоки воды. Стены утеса были из твердой породы, гладкие и отвесные, словно их полировала чья-то рука. Кое-где по ним начала карабкаться сеть жилистых ползучих растений, но они нигде не подбирались близко к вершине.

Хонат повернулся и еще раз посмотрел на гигантский каскад воды и пены. Неужели придется возвращаться?

Внезапно сквозь рев водопада донесся яростный свист-шипение. Эхо подхватило жуткие звуки и разнесло их по ущелью, многократно повторяя. Хонат подпрыгнул и опустился на землю, весь дрожа, а потом повернулся спиной к водопаду.

Поначалу он ничего не увидел. Потом вода забурлила.

Мгновение спустя двуногая зелено-голубая рептилия показалась из-за поворота и одним громадным прыжком покрыла расстояние, отделявшее ее от водопада. Она замерла, словно в удивлении, потом ее глаза — холодные, злобные и тупые — уставились прямо на людей.

Воздух снова огласило шипение. Балансируя на массивном хвосте, существо присело и опустило голову.

Перед ними, пылая красными глазами, стоял владелец разоренного гнезда. Путники, наконец, увидели Демона.

6

В это раскаленное мгновение сознание Хоната озарил свет, серебристый, словно обратная сторона тополиного листа. Он действовал, не размышляя.

Несколько раньше, осматриваясь вокруг, путники обнаружили между стеной воды и утесом, с которого она падала, сухое пространство, достаточно большое. И когда гигантская рептилия яростно зашипела, сдерживаемая мощью стремительного потока, Хонат схватил девушку за руку и бросился бежать к водопаду, перепрыгивая от дерева к кусту, от куста к папоротнику. Так быстро он никогда в жизни не бегал. Он не останавливался, чтобы посмотреть, успевает ли за ним Матилд и не отстал ли Аласкон. Он просто неся. Возможно, даже кричал что-то.

Теперь все трое стояли за водяной завесой, мокрые и дрожащие, наблюдая за размытым силуэтом дракона, пока мечущимся за спасительным серебряным экраном. Хонат издал крик торжества. Он почувствовал руку на своем плече и медленно обернулся.

Говорить здесь было невозможно, но жест Аласкона открыл ему все без слов. За долгие века вода так и не вымыла до конца мягкий известняк, она лишь пробила в нем нечто вроде трубы, по которой можно было вскарабкаться наверх, не входя снова в поток.

А что потом?

Хонат вдруг усмехнулся. Он чувствовал слабость во всем теле, отвратительная зубастая морда еще долго будет являться ему в кошмарах... В то же время он не мог подавить в себе иррациональной уверенности и прыгнул вперед, в отверстие каменной трубы.

Всего какой-то час спустя они стояли на каменном выступе над ущельем. Совсем рядом с грохотом рушился вниз водопад. Отсюда было видно, что ущелье лишь продолжение разреза в розово-серой скальной массе, напоминающего след удара молнии. За базальтовыми уступами уходила в небо целая серия каменных полок. Вода здесь бежала веками, прежде чем накатывалась на слои более мягкого камня, вытачивая в нем ущелье, в котором совсем недавно они едва не нашли смерть. Местами каменная платформа была покрыта беспорядочными нагромождениями валунов с отшлифованными, скругленными водой краями. Очевидно, это были остатки вымытого водой слоя конгломерата или такого же осадочного слоя.

Хонат некоторое время осматривал здоровенные окатыши — некоторые были больше его роста, потом перевел взгляд вниз, в теснину. Демон, уменьшенный расстоянием, продолжал бродить возле водопада — сторожил добычу, укрывшуюся за стеной падающей воды. У Хоната появилась идея.

— Аласкон, не сбросить ли нам на Демона один из этих камней?

Навигатор осторожно заглянул за край обрыва.

— Почему бы и нет, — сказал он наконец. — Демон ходит взад-вперед по одной и той же короткой дуге. И все камни падают с одинаковой скоростью. Если мы угадаем точку, где будет находиться чудовище... Гм, думаю, может получиться. Выберем камень побольше, чтобы поразить его наверняка.

Но претензии Аласкона превзошли его возможности. Выбранный камень не удалось сдвинуть с места — навигатор был все еще слишком слаб, и от него было мало толку.

— Не беда, — успокоил он. — Даже небольшой камень к концу падения приобретет приличную скорость. Выбираем такой, который можно легко подкатить к краю.

После нескольких проб Хонат выбрал подходящую глыбу. Камень был очень тяжел, но вместе с Матилд они подкатили его к краю каменной полки.

— Погоди, — забеспокоился Аласкон. — Наклоните камень, чтобы вы могли столкнуть его в любой миг. Будьте готовы... Так. Хорошо. Он уже идет обратно. Приготовились! Бросай!

Валун с шумом полетел вниз. Все трое присели у края обрыва. Валун все уменьшался, стал меньше плода, меньше ногтя, меньше песчинки. Карликовая фигурка Демона достигла края дуги, по которой он слонялся в ожидании добычи, развернулась и...

На мгновение Демон застыл, потом бесконечно медленно стал заваливаться набок, в воду. Пару раз судорожно дернувшись и взбив пену, чудовище скрылось под водой. Волны от падения воды, скрыли круги в том месте, где оно кануло в бездну.

— Словно рыбу в бромеледе, — гордо сказал Аласкон. Но голос его немного дрожал. В конце концов, они только что победили Демона.

— Мы смогли бы повторить это, — прошептал Хонат.

— И не раз, — согласился Аласкон, все еще жадно вглядываясь в озерцо внизу. — Похоже, что ума у них маловато. А здесь полно ловушек, куда можно заманить чудовище, чтобы спокойно забросать его камнями. Эх, как я сразу до этого не додумался!

— А куда мы теперь? — спросила Матилд, глядя на каменную «лестницу» позади них. — Туда?

— Да. И как можно скорее, — сказал Аласкон, поднявшись на ноги и всматриваясь в небо из-под руки. — Уже довольно поздно. Вот-вот начнет темнеть.

— Нужно идти цепочкой, — сказал Хонат. — И все время крепко держаться за руки. Один неверный шаг на этих скользких мокрых камнях, и кому-то придется долго-долго падать.

Матилд поежилась, представив себе возможность такого конца, и судорожно сжала руку Хоната. Но, к его изумлению, уже в следующий миг она потянула его вверх.

Рванный лоскут фиолетового небосклона над их головами постепенно увеличивался, по мере того как они карабкались все выше. Им приходилось часто делать передышки и отдыхать, прижавшись к излому камня и зачерпывая пригоршни ледяной воды из потока, падавшего вниз по каменным ступеням. В сумерках было трудно понять, как высоко они

взобрались. Аласкон предположил, что они поднялись выше Вершин. Воздух был необычайно свежим, острым, каким никогда не бывает в джунглях.

Под конец им пришлось карабкаться по каменной трубе с более гладкими стенами, чем у первой. К счастью, она была достаточно узкой, и они смогли упираться в стенки спиной и коленями. Воздух внутри трубы был наполнен водяной взвесью, но после всего пережитого в Аду это была такая мелочь.

Последним рывком Хонат перевалился через край трубы и, совершенно обессиленный, упал на плоский каменный выступ. Но даже крайнее утомление не могло подавить радостного возбуждения. Они поднялись выше джунглей! Они выбрались из Ада! Он оглянулся назад, все ли в порядке у Матилд, потом протянул руку, чтобы помочь выбраться из трубы навигатору, которому очень мешала рана. Аласкон тяжело перекатился через край, распростершись на густом мягком мху.

Некоторое время путешественники просто сидели неподвижно, потом один за другим повернулись, чтобы обозреть мир, в котором они оказались.

Разглядели они не так уж много. Купол неба над плоскогорьем был усеян звездами. В центре каменной плоскости возвышалась сверкающая спица, устремленная одним концом в звездное небо, а вокруг нее... вокруг нее суетились, сновали из стороны в сторону, переносили какие-то непонятные предметы Гиганты!!!

7

Это конец! Конец битвы, в которую они вступили ради истины, битвы с суеверием, с самим Адом. И вот — конец!

Гиганты существуют на самом деле!

Не осталось и тени сомнений в их реальности. Хотя они не менее чем в два раза выше людей, ходят и стоят более прямо, шире в плечах и вроде бы не имеют хвостов, их родство с людьми, даже на самый неискушенный взгляд, очевидно. Взять хотя бы их голоса — конечно, они настолько же далеки от голосов обычных людей, насколько те разнятся с голосами обезьян, но, без сомнения, они принадлежат существам одного с ними рода. Это Гиганты, о которых твердила Книга Законов. Они не только существуют, но и вернулись на Теллуру, как и было обещано.

И они сурово поступят с неверными, с беглецами из Ада. Значит, все было напрасно — их борьба, предельное напряжение сил, стремление отстаивать право думать самостоятельно. Боги существовали на самом деле. От

этой веры Хонат стремился избавиться всю свою сознательную жизнь — но теперь это была уже не просто вера. Он видел их собственными глазами.

Гиганты вернулись взглянуть на дело своих рук. И первыми, с кем им предстояло встретиться, были трое отщепенцев, преступников, беглецов — самые худшие из народа Вершин.

Мысль об этом, словно кипящая смола, обожгла мозг Хоната. Но разум Аласкона — самого последовательного в неверии из всей троицы — испытал удар потяжелее. С глубоким вздохом он повернулся и пошел прочь.

Матилд что-то простонала, но было поздно. Возглас ее оборвался на половине. Круглый светящийся глаз на вершукке спицы вдруг ожил, уставился на путешественников, залил все вокруг ослепительным светом.

Хонат бросился вслед навигатору. Не оглядываясь, Аласкон побежал. Темный силуэт мелькнул и пропал, словно его никогда и не было.

Аласкон выдержал все ужасы Ада с твердостью и даже вызовом, но не устоял перед лицом того, что привык считать выдумкой.

Чувствуя тупую боль в сердце и непонятную тоску, Хонат повернулся лицом к яркому свету, прикрывая ладонью глаза. Он слышал звук шагов.

Близился миг страшного Суда.

После долгой паузы мощный голос из темноты прогремел:

— Не бойтесь, мы не причиним вам вреда. Мы такие же люди, как и вы.

Незнакомец изъяснялся на архаичном языке Книги Законов, но смысл его слов был понятен. Другой голос произнес:

— Как вас зовут?

Язык Хоната, казалось, намертво прилип к гортани. Пока он боролся с неожиданной немотой, послышался ясный голос Матилд:

— Это Хонат-плетельщик, а я Матилд-разведчица.

— Далеко же вы забрались от того места, где мы поселили ваш народ, — сказал первый Гигант. — Разве вы уже не живете в сетях лиан над джунглями?

— Господин...

— Мое имя Джарл Элевен. А это — Герхард Адлер.

Теперь онемела Матилд: сама мысль о том, чтобы обращаться к Гигантам по имени, парализовала ее. Однако тем, кого ожидает изгнание в Ад, нечего терять.

— Джарл Элевен, — сказал Хонат, — люди все еще живут среди лиан, на Вершинах. Поверхность закрыта для нас. Это проклятое место. Туда посылают только преступников. Мы как раз и есть преступники.

— Вот как? — удивился Джарл. — И вы прошли весь путь от поверхности планеты до этого плоскогорья? Герхард, это какое-то чудо. Вы не имели понятия, что ждет вас на поверхности. Это такое место, где эволюция не сдвинулась дальше клыков и зубов. Динозавры из всех периодов мезозоя, примитивные млекопитающие — не сложнее больших кошек. Вот почему первая команда Сеятелей поселила людей на Вершинах.

— Хонат, в чем заключается твое преступление? — спросил Герхард.

Хонат был почти рад тому, что они так быстро подошли к сути. Джарл со всеми его словами, многие из которых Хонат едва понимал, очень его пугал.

— Нас было пятеро, — тихо сказал Хонат. — И мы говорили, что мы... что мы не верим в Гигантов.

Последовала пауза, но недолгая, потом, к удивлению и потрясению Хоната и Матилд, Гиганты расхохотались.

Матилд содрогнулась, прижимая уши к ладоням. Даже Хонат вздрогнул и сделал шаг назад. Смех тут же прекратился, и тот, кто называл себя Джарл, тут же вступил в круг света и присел перед людьми. Теперь было хорошо видно, что его лицо и руки совершенно безволосые. Остальная часть тела была покрыта чем-то. Сидя на корточках, он был не выше Хоната и не казался таким уж ужасным.

— Извините, что мы вас невольно испугали, — сказал он. — Мы совершенно напрасно смеялись. Но то, что вы сказали, оказалось слишком неожиданным. Герхард, присаживайся к нам, а то ты напоминаешь статую Командора. Расскажи-ка мне, Хонат, как ты усомнился в Гигантах.

Хонат едва верил своим ушам. Гигант просил у него прощения. Может быть, это злая шутка? Но что бы там ни было, ему задали вопрос.

— Каждый из нас пятерых не верил по-своему, — начал он. — Я считал, что вы придуманные символы какой-то давней веры. Один из нас, самый мудрый, считал, что вас вообще никогда не было, ни в каком смысле. Но все мы сходились в одном — что вы не боги.

— Это правда, мы вовсе не боги, — согласился Джарл. — Мы люди. Мы из того же самого семени, что и ваш народ. Мы не правители, а братья. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Нет, — покачал головой Хонат.

— Тогда я поясню. Люди живут во многих мирах. Они отличаются друг от друга, потому что отличаются их планеты. И на каждой планете должен жить подходящий для этих условий тип людей. Герхард и я — люди того мира, который называется Земля. И мы можем жить во многих мирах,

похожих на Землю. Мы — участники огромной программы, называемой «Семя». Она продолжается уже тысячи лет. Наша задача — искать новые миры для посева, а потом готовить к этим мирам людей.

— Готовить людей? Только боги...

— Нет-нет, будь внимателен и терпелив, — перебил Джарл. — Мы не делаем новых людей. Мы просто их изменяем, чтобы они могли жить на планете. Это совсем не то, что создавать людей из ничего. Мы берем живую плазму, сперму и яйцеклетку, изменяем их. Получаются зародыши нового человека, и мы помогаем ему освоиться в уготовленном для него мире. Так сделали и на Теллуре, уже давно, еще до того, как родились мы с Герхардом. И теперь мы вернулись посмотреть, как поживает наш народ и помочь ему, если нужно.

Он перевел взгляд на Матилд, потом снова на Хоната.

— Вы понимаете, о чем я говорю? — снова спросил он.

— Пытаюсь, — ответил Хонат. — Но тогда вам нужно спуститься к Вершинам джунглей. Мы не такие, как все, вам нужно наше племя.

— Утром мы так и сделаем. Ведь мы недавно приземлились. Но вы нас особенно интересуете, именно потому, что вы не такие, как остальные. Скажите, удавалось ли раньше приговоренным выбраться с поверхности планеты?

— Нет, никогда. Там обитают чудовища...

Джарл бросил взгляд вбок, на второго Гиганта. Кажется, он улыбался.

— Когда вы посмотрите наш фильм, Хонат, то поймете, что это была ошибка столетия. А как вам троим удалось бежать?

Сначала Хонат запинаясь, но по мере того как память разворачивала перед ним яркие картины пережитых приключений, голос его звучал все увереннее, рассказывая об их пути. Когда он упомянул о гнезде Демона и их пиршестве, Джарл многозначительно посмотрел на Герхарда, но не перебил Хоната.

— И наконец мы добрались до верхушки трубы и оказались на каменном плоскогорье, — закончил Хонат. — Аласкон был все еще с нами, но когда он увидел сверкающий заостренный столб, светящийся глаз и вас, то бросился вниз с обрыва. Он тоже был преступником, как и мы, но он не должен был погибнуть таким образом. Он был храбр и умен.

— Но недостаточно умен, чтоб подождать, пока все выяснится. — загадочно произнес Джарл. — И все же, Адлер, это поразительно, иначе и не назовешь. Это самый успешный посев в этом витке Галактики, насколько я знаю. И какая удача оказаться на этом месте в тот момент, когда здесь обнаружилась вот эта замечательная парочка!

— Что это значит? — спросил Хонат.

— Все очень просто, Хонат. Когда команда Сеятелей поселила здесь ваш народ, то с самого начала предполагалось, что вы не будете вечно жить на Вершинах. Рано или поздно вам пришлось бы спуститься вниз и научиться выживать на поверхности. Схватиться с планетой на равных. Иначе развитие зашло бы в тупик и вы бы вымерли.

— Все время жить на Поверхности? — слабым голосом переспросила Матилд.

— Да, Матилд. Жизнь на Вершинах — только переходный период. Вы накапливали знания и учились применять их на практике. Но чтобы стать настоящими хозяевами Теллуры, вам придется завоевать Поверхность.

То, что ваш народ придумал изгонять преступников — большая удача. Требуется особо сильная воля и незаурядная храбрость, чтобы восстать против обычаев. И оба этих качества необходимы для завоевания Теллуры. И самых крепких и закаленных ваш народ год за годом изгонял на Поверхность. Рано или поздно, но кто-то из изгнанников должен был обнаружить, что жить на Поверхности можно, и открыть это остальным. И они постепенно покинули бы деревья. Ты и Хонат поступили именно так.

— Заметь, Джарл, — добавил Герхард, — что их преступление носило идеологический характер. Это был критический пункт. Одного бунтарского духа недостаточно. Но прибавь сюда немного ума... Да что я говорю! Он — человек!

Голова у Хоната шла кругом.

— Но что все это означает? — воскликнул он. — Значит ли, что мы... больше не обречены жить в Аду?

— Нет, обречены, если ты и дальше намерен так называть Поверхность, — сурово сказал Джарл. — Вы научились жить здесь, на Поверхности, и кое-что поняли. Кое-что очень важное: как остаться в живых, побеждая врагов! Знаете ли вы, что голыми руками убили троих Демонов! Ты, Матилд и Аласкон.

— Убили?..

— Конечно, — сказал Джарл. — Вы съели три яйца. Это единственный и классический способ уничтожения таких чудовищ, как динозавры. Взрослого ничем, кроме ракетного ружья, не прошибешь. А в яйце они беспомощны. И у взрослых не хватает ума охранять свои гнезда...

Хонат слышал его, словно издалека. Даже тепло тела Матилд, находившейся рядом с ним, не помогало сохранять чувство реальности.

— Значит, нам придется вернуться туда вниз, — тусклым голосом сказал он. — И навсегда.

— Да, — мягко сказал Джарл. — Но ты будешь не один, Хонат. Начиная с завтрашнего утра с тобой будет весь твой народ.

Весь народ!

— Так вы... собираетесь изгнать их из мира Вершин?

— Нет, мы не станем запрещать им жить среди Вершин, но с этого момента твоему племени придется завоевывать Поверхность. И вы с Матилд доказали, что это вполне возможно. Давно пора, чтобы и все остальные это усвоили.

— Джарл, ты совсем запугал этих маленьких людей, — сказал Адлер. — Скажи им, что ждет их самих.

— Конечно, конечно. Хонат и ты, Матилд, — единственные представители вашего народа, которые умеют выживать на Поверхности. И мы не собираемся учить этому ваше племя. Этим займетесь вы.

У Хоната отвисла челюсть.

— Займетесь вы, — твердо повторил Джарл. — Завтра мы вернем вас в племя и скажем всем, что только вы знаете законы Поверхности. И что всем остальным придется спуститься и жить там же. Больше мы ничего не скажем. Как по-твоему, что они сделают?

— Не знаю, — пробормотал ошеломленный Хонат. — Может случиться что угодно. Они даже могут сделать нас Вершителями... Но ведь мы... Мы же преступники!

— Вы — открыватели нового, Хонат, вот вы кто. Мужчина и женщина, которые поведут человечество Теллуры вперед, заставят его спуститься с чердака на первый этаж, в широкий и загадочный мир.

Джарл поднялся на ноги, купаясь в лучах яркого белого света. Хонат поднял голову и увидел, что еще около десятка Гигантов толпятся на самом краю яркого пятна света и вслушиваются в каждое их слово.

— Но должно пройти некоторое время, прежде чем мы начнем, — сказал Джарл. — Наверное, вы хотите осмотреть корабль?

В каком-то оцепенении Хонат взял Матилд за руку, и, оставляя за спиной Ад, они зашагали за Гигантами.